

Серж Бэст

ДРУГИЕ ОХОТЫ

ГЛАВА I

СЕРЖ БЕРАНЖЕ

Париж буйствовал. Багрово-дымное пламя горевших автомобилей, подожжённых экстремистами из мусульманской среды в его различных кварталах, озаряло ночь. На северо-западе столицы многие улицы и переулки оказались запруженными толпой, гул которой, подобно штормовому морю, волнами охватывал близлежащие дома. Толпа явно нервировала полицейских.

Сквозь толпу, непрерывно сигналив, пробиралась серебристого цвета легковая машина. Жандармский младший чин подскочил к ней, открыл дверцу и толкнул дуло автомата в лицо водителю.

— Месье! — многозначительно сказал он, положите руки на руль и, пожалуйста, без шалостей, иначе получите пулю в лоб.

— Позвольте, предъявить вам жетон, и уберите руки с курка, чтобы не застрелить по неосторожности офицера жандармерии, — сказал в ответ ему сидевший за рулем мужчина и показал

жетон майора жандармских войск Франции. Мясистое лицо полицейского расплылось в широченной улыбке, он, молча, козырнул, и отошёл к стоящему поодаль напарнику.

Офицером, предъявившим жандармский жетон, был Серж Беранже. Предъявленный им жетон был документом прикрытия, в действительности Серж являлся начальником отдела Главного управления службы внешней разведки Франции (DGSE), в звании полковника. Он явно спешил на своем новом «инфинити», выдавливая из него все скоростные возможности. Это был крепкий, лысоватый шатен, среднего роста, с седыми висками и выцветшими бровями. Его покатые плечи и мощная шея выдавали в нём борцовское прошлое.

Несколько часов назад случилось явно непредвиденное событие, которое его сильно огорчало. Жюстин Бранен, сотрудник Главного управления контрразведки (DCRI), привлечённая вышестоящим руководством в качестве «медовой ловушки» для работы по делу «Мокс», попала в автомобильную катастрофу и её отвезли в военный госпиталь, куда он сейчас и направлялся.

Жюстин являлась чрезвычайно ценным сотрудником не только из-за внешних данных, но и потому, что в совершенстве владела русским языком и была на редкость умна. Поэтому её

отсутствие накануне запланированной встречи мэра Парижа с русским мэром Малаховым было явно нежелательным. Серж разработал детальный план её проникновения в ближайшее окружение Малахова рассчитывая информацию относительно перспектив участия Франции в совместном с Россией строительстве в Сибири завода по производству уран-плутониевого топлива, именуемого «Мокс-топливом».

Строить этот завод Россию побуждали взятые международные обязательства по утилизации оружейного плутония демонтированных ядерных боеголовок.

Объективно складывалось так, что шансы у Франции войти в российский проект были ничтожно малы. Из последней шифровки, пришедшей из резидентуры посольства в Москве, было понятно, что русские, скорее всего, выберут в качестве прототипа своего завода по переработке оружейного плутония немецкое предприятие компании Сименс в Ханау. Этому способствует один из российских сенаторов, который с целью лоббирования данного вопроса обратился в правительство России. Его заинтересованность была понятной, он являлся немцем по национальности и в Германии жил его родной брат, — крупный бизнесмен.

Перед Сержем была поставлена задача —

найти среди русских политиков авторитетного союзника Франции, через которого в дальнейшем можно дискредитировать немецкий проект и показать преимущество французского проекта. После длительного поиска такой кандидат на роль союзника Франции им был найден. Это был мэр областного центра, вблизи которого было намечено построить данный завод.

Выбор на 55-летнего мэра Николая Малахова был сделан им неслучайно. Первичные данные, полученные им по каналам агентурной сети, указывали, что Малахов неординарная личность, хотя во многом противоречивая и порой даже авантюрная, но с хорошим публичным рейтингом. В его биографии было немало тёмных пятен, требующих детального изучения, однако внутреннее чутье подсказывало ему, что Малахов, тот самый человек, мнение которого, при определенных условиях, может стать более значимым в кругах местного истеблишмента. К тому же Сержу симпатизировало, что Малахов был внешне схож с давним другом его отца, известным актёром кино Жаном Полем Бельмандо. У него, как и у дядюшки Жана, было такое же худое лицо, большие вывороченные губы, мясистый нос и наглые глаза.

Доводы, приведенные Сержем относительно пригодности Малахова к оперативному

использованию, были признаны руководством убедительными, в связи с чем был дан зелёный свет на организацию встречи мэра Парижа с русским мэром на своей территории.

Будучи патриотом своей страны, Серж был доволен, что проекты по утилизации оружейного плутония на территории Франции признаны невыгодными с коммерческой точки зрения. Он всецело разделял взгляды тех, кто считал, что плутониевое дерьмо, загрязняющее окружающую среду и способное взорваться, лучше утилизировать на территории других стран. Вместе с тем ему было искренне жаль, что этот выбор пал на историческую родину его предков.

Он откровенно недоумевал, почему русские чиновники усиленно замалчивают, что при производстве «Мокс-топлива» плутоний неизбежно попадёт в окружающую среду. Кроме того, его переработка связана с необходимостью массовых перевозок по железной дороге, и это создаст благоприятные условия для совершения экстремистами террористических актов.

Глядя на подожжённый радикалами автомобиль, мимо которого он только что проехал, Серж на мгновение представил, что экстремисты жгут не автомобили, а взрывают железнодорожные составы с оружейным плутонием, ввозимого из-за рубежа на переработку. От представленной

картины ужасов у него по спине пробежал жуткий холод.

Так что же это за человек, русский сенатор, который с горячностью поддерживает строительство на территории России завода по переработке отработанного ружейного ядерного топлива?

Неужели ему наплевать, что жители области, где планируется строить завод, в недавнем прошлом пережили аварию на местном химическом комбинате, при которой произошел выброс в атмосферу отравляющих веществ?

Вероятнее всего, он осознанно действует в интересах Германии потому как сам немец и, и его родственники живут там? Впрочем, так или иначе, он явно не патриот своего народа. Что касается его, то ему задача понятна. Нужно сделать все возможное, чтобы отодвинуть немцев от проекта.

Где-то рядом послышался сильный взрыв. Светящейся столб взорванного экстремистами автомобиля зловеще осветил церковь на Нотр-Дам, словно делая вызов силам божества. В душу Сержа закралась тревога. Как там Жюстин, что с ней?

Между ними уже сложились отношения. Сержу импонировало, что мыслят они во многом одинаково, несмотря на разницу в возрасте, имеют схожие вкусы, интересы и убеждения. Однако пригласить её на свидание, он не спешил. Причиной

тому была возобновившаяся после длительного разрыва его связь со смазливой француженкой среднего возраста, которая шокировала его близких друзей, тем, что была, не очень умна, и, к тому же, имела дурные манеры.

На все недоумения своих друзей по её поводу, он отшучивался, говорил, что мужчине не нужно шарахаться от убогих, господь обязательно заметит это и пошлет благодать в виде красивой, умной и нежной девушки. Таков был урок его жизни. Что отдаёшь, — то и воздаётся!

С той поры как в управлении появилась Жюстин, он пребывал в приподнятом настроении. Появление этой девушки могло стать в его судьбе той самой благодатью, о которой он мечтал долгие годы. И вот, наконец, он решился на встречу с ней и пригласил её отобедать в загородном доме своего дядюшки, находившегося в пригороде Парижа в местечке под названием «Венисьё». Дом был в его полном распоряжении на период нахождения дядюшки в Африке, где он изучал поведенческие аспекты бегемотов в бассейне реки Нил. Жюстин без колебаний приняла его приглашение, и это был хороший признак для него.

Сигнал домофона застал его за наведением порядка. Делать это приходилось ему самому, так как прислугу дядюшка распустил на длительные каникулы, всецело полагаясь в вопросе ухода за

домом на племянника. Его собственное жильё находилась в пригороде Парижа.

Серж не был женат, вместе с тем в его жизни были женщины, но отношения с ними напоминали скоростные гонки в безлюдной местности. Он не был бесчувственным чурбаном и всегда вкладывал душу в свои отношения с женщиной, не признавая секса без эмоций, ибо не умел отделять одно от другого. Он считал, если дело дошло до секса, то женщина должна нуждаться в нём.

Жюстин была красивой, стройной блондинкой с лучистыми глазами и удивительно притягательной улыбкой. Вот и сейчас, глядя на неё, он в очередной раз вдруг болезненно осознал свой собственный возраст. Может быть, в сорок лет пора спуститься с небес и вернуться к реальной жизни, а не сжигать себя в любовной страсти? — укорил он себя. А вдруг это в последний раз судьба дарит ему возможность испытать сильные любовные потрясения? И он решительно отменил свои сомнения, решив вновь довериться своему пороку, хранившему в потаённых уголках души отчаянное желание влюбиться в красивую и умную девушку.

— Так вот какая вы Жюстин Бранен во внеслужебной обстановке! — улыбаясь, молвил он, косясь на её длинные ноги в капроновых колготках.

— И какая же я? — игриво вскинула вверх

брови девушка.

— Хорошенькая и даже очень! Вы у меня ассоциируюсь с милым беленьким котенком, — расплылся в улыбке он.

Его комплимент девушку не смутил. Более того, она одобрительно кивнула головой.

— Что ж, я согласна быть для вас хорошеньким, беленьким котенком, надеюсь, что вы любите домашних животных и хорошо к ним относитесь.

— Угу, — промычал он и расплылся в улыбке.

Серж всегда питал слабость к высоким и стройным девушкам. Сейчас у него возникло неудержимое желание облизнуть губы, и он с трудом поборол его.

Жюстин была одета в мини-юбку из чёрной эластичной ткани в обтяжку и белую шелковую блузку с мягкими складками. Чёрные туфли на высоких каблуках превращали её и без того длинные ноги просто в смертоносное оружие. От волнения у него перехватило дыхание, все преимущества, которые давали ему опыт и возраст, сразу исчезли, словно чёрт в дымоходе.

Раздражаясь на отклик своего тела, напоминавшего реакцию неискущённого юноши, вызванную сексуальным волнением при случайном соприкосновении с женским телом он, с хрипотцой в голосе, сдавленно объявил:

— На обед нас ожидает морской огурец, который мы сейчас с вами приготовим в фондю, а также грушевый крушон, его дядюшка приготовил специально для нас с тобой ещё прошлом году. Вы не возражаете?

— Я согласна! — воскликнула радостно Жюстин, оценив юмор сказанного. — Вкус морского огурца мне не известен, но я полным восторге от того, что мне сейчас предстоит испить крушон домашнего приготовления.

— Отлично! — сказал Серж и сознательно зафиксировал на девушке свой многозначительный взгляд, полный порока.

В ответ Жюстин мило улыбнулась ему.

— Спасибо, — сказала она, не задумываясь за что, собственно, она его сейчас благодарит, и с чего это вдруг появились у неё эротические фантазии. — Сдается мне, что вы Серж весьма опытный обольститель, и знаете, чем отличается досье от бюстье, — высказала она смелое предположение.

— Нет, нет, — замотал Серж головой. — Я хотел, чтобы вы ошиблись в своем выводе относительно моих познаний по части женского прикида. Однако мой внутренний голос с первых дней появления вас в управлении твердит, что бы я обратил внимание на вашу привлекательность.

— Серж, не вводите меня в краску! — не выдержав потока лести, взмолилась Жюстин. —

Хотя мне и приятны ваши слова, но, говоря лестные слова, вы гоните меня в ловушку. Пощадите!

Однако Серж был верен себе и решил не отступать.

— И ещё мой внутренний голос подсказывает, что такая женщина, как вы, способна любого мужчину вывести из равновесия...

— Вот как!?

Брови Жюстин вновь поползли вверх. Тем не менее, она благосклонно отнеслась и к этому комплименту и одарила его лучезарной улыбкой. После чего, игриво поинтересовалась:

— Мне лестно слышать, что говорит обо мне ваш внутренний голос, — но я при этом хочу спросить:

— Почему вы затягивали с нашей встречей?

Серж расплылся в улыбке, и уклонился от прямого ответа.

— Поверьте мне, пожалуйста, я буду искренне сожалеть о том, что наша встреча не состоялась ранее.

Морской огурец был безошибочно признан Жюстин трепангом, что соответствовало действительности, ибо таковым он называется лишь в обиходе. Несмотря на то, что вкус этого морепродукта ей был хорошо знаком, она оценила интригу, которую создал Серж. После бокала крющона, содержавшего потаённый градус, она

разоткровенничалась и уже весело болтала буквально обо всем: о своих увлечениях, о взглядах на жизнь, о своих друзьях...

Серж внимательно слушал девушку. Он с удовлетворением для себя отметил, что она полна женственности и очарования. После обеда он пригласил её пройти в кабинет, где они уселись на мягкий диванчик у камина.

— Расскажите мне, Жюстин, о себе, о своих планах на жизнь. — Вы необыкновенно скрытны, — заметил Серж.

— Но о вас я тоже ничего не знаю. А ведь нам предстоит работать вместе по делу «Мокс», — парировала в ответ Жюстин.

Губы Сержа растянулись в непроизвольной улыбке, девушка всё больше и больше нравилась ему.

— Хорошо, я обязательно расскажу вам о себе много лестного, но на правах хозяина хотел бы всё узнать о своей гостье. — Вы удовлетворите моё любопытство?

Жюстин пожала плечами, возвела глаза в потолок, затем опустила их и одарила его самым, что ни есть невинным взглядом.

— Помилуйте Серж, я почему-то уверена, что вы и так многое знаете обо мне. Сожалею, но мне рассказать вам нечего.

— Гм... — задумался на мгновение Серж. —

Впрочем, вам ничего не нужно сейчас рассказывать о себе, я это всё сделаю за вас. Дайте мне, пожалуйста, вашу правую руку...

Жюстин громко рассмеялась, ей стало понятно, в чём тут дело.

— Вы желаете применить ко мне испытанный не одним поколением мужчин приём обольщения — гадание даме по руке? — поинтересовалась она.

Серж не отреагировал на её вопрос, но при этом с горячностью стал убеждать её в своем истинном веровании в хиромантию.

— Я верю вам, но давайте лучше я вам погадаю.

— Нее! — картинно взвыл Серж. — Только не это! Я боюсь правды о себе.

— Не бойтесь! Дайте мне вашу левую руку, — потребовала она. — Я применю свою методику чтения хитросплетений ваших узоров на руке и составлю ваш психологический портрет.

— Вы психолог по образованию?

— Нет, я не психолог, — ответила Жюстин, лукаво при этом улыбаясь. — Не бойтесь узнать о себе правду! Дайте мне вашу левую руку...

— Почему левую руку? — вдруг осенило Сержа. — Ведь гадают по правой...

Жюстин это не смутило. Она деловито поднесла его ладонь ближе к своему лицу, пытаясь рассмотреть все на ней узоры.

— В отличие от многих, я гадаю по левой руке, так как она связана более короткими кровотоками с сердцем, — удовлетворила его недоумение Жюстин. — И так. По узору ваших кровеносных сосудов я вижу, что вы человек, который испытывает острую потребность в спокойной обстановке, в которой он смог бы расслабиться и набраться сил. Я возьму на себя смелость предположить, что вас, скорее всего, измотало взаимодействие с другими людьми, которое предопределено характером вашей работы.

Серж поднял бровь:

— О! как, — воскликнул он. — Вы попали в точку. Мне действительно хочется умиротворенной обстановки для себя, но на сегодня это вряд ли возможно.

Жюстин сделала многозначительную паузу..., после которой выпалила:

— У вас только что закончились горячие деньки. И вы в скором времени предпринимает смелую попытку вступить в контакт с молодой девушкой, полагая, что такая сердечная связь принесёт ему беззаботное наслаждение и ощущение эмоционального порыва...

Серж почувствовал, как у него зашевелились мозги.

— Черт! Какой необычный вывод, однако, вы сделали, — выдавил он из себя. — Вы явно обошли

меня в гадании по руке, хотя во многом я вам не лукавил, ибо я действительно знаком с основами хиромантии.

— Ладно, так и быть я открою вам один маленький секрет о себе. Ваш незабвенный начальник управления Клод Шуазель предложил мне перейти на работу к вам в управление. Я наотрез отказалась, потому как понимала истинную причину, по которой он меня зовёт к себе — он хочет приударить за мной. Мой отказ его не остановил. Он договорился с моим руководством о прикомандировании меня к вашему управлению для работы по делу «Мокс». — И теперь я выскажу предположение, что вы тоже желали бы моего перехода к вам? — рассмеялась Жюстин.

Серж удовлетворительно хмыкнул, посмотрел с улыбкой в её глаза, наполнил доверху кружкой ее бокал и протянул его ей.

— Да это так. Я клюнул на вас...

— А я клюнула на вас, так как мне нравятся умные мужчины...

— А мне умные женщины...

После этих слов Сержу стало понятно, что делать дальше; ему вдруг страстно захотелось поцеловать ее...

— Спасибо, — прошептал он, раздираемый эротическими фантазиями в отношении её. Он почувствовал, как его наполняет неодолимое

влечение к этой девушке и что он уже готов утонуть в бездне ее серо-зелёных глаз. Он наклонился к ней и прикоснулся пальцем к подбородку...

— Мне бы хотелось поближе с вами познакомиться, вы догадываетесь, о чём это я? — произнёс он, растягивая слова. — Вы и я... Давайте ещё раз пообедаем в этом доме, который еще долго будет находиться в моём полном распоряжении, — выпалил неожиданно для себя он.

Жюстин с нескрываемым любопытством посмотрела на него, она перехватила его взгляд, который соответствовал определенному его желанию, так как был направлен в разрез платья, где белела её грудь. Её глаза затуманились, губы приоткрылись...

— Хорошо, я согласна, — прошептала она, затаив дыхание.

Серж приблизил к ней губы и поцеловал её.

Это не был страстный поцелуй, но он был больше чем простое касание губ. Это был поцелуй-касание и он был вкусен, как сладкий сон, о котором они будут вспоминать многие годы.

Вдали вновь послышался взрыв баков подорванного автомобиля. Серж стряхнул с себя накотившие воспоминания и прибавил скорость.

Впереди на проезжей части показались

какие-то люди. Улица была почти перекрыта поврежденными и обгоревшими автомобилями. Сотрудники дорожной службы с помощью тягачей и автокранов растаскивали завал. Выгоревший асфальт, чёрная копоть, которой были покрыты фасады близлежащих домов, создавали удручающую картину...

Наконец, дорога была расчищена, и Серж вновь смог продолжить движение. Перед военным госпиталем собралась большая толпа, слышался женский плач.

Он вошёл в госпиталь, отыскал дежурного врача. Им оказалась миловидная молодая девушка с чёрными, как смоль волосами, которая кокетливо и с нескрываемым любопытством оглядела Сержа.

— Мадам, скажите, пожалуйста, в какой палате сейчас находится Жюстин Бранен и можно ли её сейчас навестить?

— В пятнадцатой палате, на втором этаже, состояние больной нормальное, ей недавно наложили гипс на лодыжку, — сухо проинформировала его Жанна.

Серж пошёл быстрым шагом в указанном ею направлении.

ГЛАВА II

ЖЮСТИН БРАНЕН

Жюстин лежала на большой кровати в больничной рубашке жёлтого цвета, отороченной кружевами. На её лице видны были небольшая ссадина и несколько порезов. В руках она держала журнал «Фемина» и отвечала на серию вопросов о сексе.

Раздались шаги. В больничную палату вошёл Серж.

— Наконец, вы ко мне приехали. — Я теперь могу спокойно умирать, — встретила его словами, полными трагизма, Жюстин.

Серж от такого заявления невольно открыл рот.

— Гм... ты... я...э...ну...

Жюстин, поняв, в чём дело, поспешила вывести его из ступора.

— Прошу вас Серж, поцелуйте меня скорее, — реанимируйте больную. — Вы же рады видеть меня? — игриво спросила она.

Серж нагнулся и поцеловал её красивый лоб, обрамленный жёлто-рыжими волосами, собранными очень низко в кокетливый пучок, перетянутый чёрной бархатной резинкой.

— Теперь ты можешь умирать, — отшутился он в ответ, но сначала расскажи, что случилось?

Жюстин фыркнула, оценив его дружеский поцелуй, как проявление недостаточного к себе внимания.

— Не обижайся любимая, я обязательно исправлюсь, но это потом. — Сейчас же расскажи, что приключилось с тобой, — вернулся Серж вновь к своей просьбе.

— Ладно, — смилостивилась Жюстин, я расскажу, что случилось со мною. Я возвращалась из Мелена, где была в исправительном суде на слушании дела дочери моей подруги, той самой, за которой вы приурадили на дне рождения у Мориса. Помните?

— По вашему лицу вижу, что помните. — Так вот её дочь Клара, — продолжила она, решила оригинальным способом отомстить своей сопернице в любви. — Всё началось с того, что соперница в приступе ревности напала на машину Клары, разбила рукой ей ветровое стекло, но при этом её распушенные длинные волосы запутались в «дворниках». Этим обстоятельством незамедлительно воспользовалась Клара, — нажала на газ и рванула с места. Она ехала на большой скорости, при этом виляла в разные стороны, пытаясь сбросить свою соперницу на шоссе, а чтобы не слышать её криков, включила на полную мощь радио.

— Какая крутая девчонка! — с иронией заметил Серж.

— Вам по-прежнему нравятся нимфетки? — ехидно спросила Жюстин.

Лицо Сержа перекосила горькая складка у рта. Ему явно не нравилось, что Жюстин продолжает иронизировать по данному поводу.

— Жюстин, прошу тебя, прекрати злорадствовать, мне начинает не нравиться, что ты вновь эту малолетку связываешь со мной, лучше расскажи, чем всё это закончилось? — с требовательностью в голосе спросил он её.

— Хорошо, как скажите, — хихикнула Жюстин, оставшись явно довольная собой.

— Так вот. Ночная гонка была остановлена лишь через час местной жандармерией. Соперница Клары в результате этой поездки на капоте её автомобиля отделалась сильным вывихом ноги. Мне пришлось кое с кем поработать, чтобы судья учёл, чтобы Клара получила шесть месяцев тюрьмы условно.

Серж внимательно посмотрел на Жюстин, его рот расплылся в широченной язвительной улыбке. Он решил, что наступило его время воткнуть ей шпильку.

— Надеюсь, чтобы добиться такого прекрасного результата для дочери своей подруги, ты не использовала в частном порядке секретное оружие, принадлежащее уже отчасти не только тебе, но и французской разведке? — Ты догадываешься, о чём это я? — лукаво поинтересовался он.

— Серж, вы неисправимый хам! Можете быть спокойным, моё оружие в полном порядке. — Я использовала метод убеждения, — обиженно шмыгнула носиком Жюстин. — И вообще я обиделась на вас!

— Не обижайся, пожалуйста, я нелепо пошутил и готов загладить свою вину. Только расскажи, как тебя угораздило попасть в аварию?

Лицо Жюстин просияло:

— Ладно, прощаю, — снисходительно сказала она. — Всё очень просто. Я ехала довольная собой, как вдруг справа взорвалась, а затем и загорелась машина, стоявшая на обочине. От неожиданности взрыва на дороге я отвернула резко влево и врезалась в фонарный столб. От удара головой об ветровое стекло потеряла на некоторое время сознание, очнулась уже лежащей около своей машины. Какая-то женщина сказала мне, что со мной все в порядке, но она, тем не менее, вызвала медицинскую карету. Вот и всё, я очень устала, у меня затекла больная нога. — Сделайте мне, пожалуйста, массаж ступни, — пропищала она тоненьким голоском маленькой девочки и отбросила простынь.

Серж увидел, что её правая нога действительно находится в гипсе.

— Это лангет, — пояснила она. — Доктор, сказал, что мне чертовски повезло, у меня лишь

трещина на кости, шишка на голове и небольшая ссадина на лице.

— Шишка и ссадина ерунда. Жаль, что твоя красивая ножка пострадала. — Однако не отчаивайся, у тебя еще осталось много неповреждённых и красивых мест, которые, как я полагаю, имеют уйму поклонников, — рассмеялся Серж.

— Нет, вы всё-таки неисправимый хам, — с любовью в голосе промурлыкала Жюстин. — Я хочу массаж! Сделайте мне его, пожалуйста!

Серж присел на край кровати, аккуратно взял загипсованную ногу девушки и придвинул к себе ближе, чтобы начать массаж ступни. Однако его взгляд невольно вошёл вглубь её раздвинутых ног, где виднелась узкая тёмная полоска, — по его телу пробежала лёгкая дрожь. Лучше бы я этого сейчас не видел, — подумал он, критически оценивая нарастающее волнение.

Ступня больной ноги Жюстин была холодной. Он начал делать слабые круговые согревающие движения, — Боже мой, как же мне хорошо! — сладостно застонала Жюстин.

Закончив массаж Серж подошёл к журнальному столику, на котором стояла ваза с красивыми жёлтыми розами.

— Кто подарил тебе эти розы? — поинтересовался он.

— Я не скажу вам! — кокетливо заявила Жюстин. — Хотя, пожалуй, скажу, — решилась она на откровение. — Даритель этих прекрасных цветов — мой доктор, красивый молодой человек, внешностью похожий на Алена Делона, который с нетерпением ожидает, когда я окончательно поправлюсь.

Серж, будучи человеком недоверчивым, тут же высказал предположение, что розы, скорее всего, из госпитального розария, и являются необходимым атрибутом больничной палаты. На его слова Жюстин обиженно шмыгнула носом и укрыла себя с головой простынью.

— Любимая, позволь обратить твоё внимание на то, что ты, не успев слезть с санитарных носилок, уже расплескала свои чары на доктора-Айболита, который сломя голову помчался тебе за цветочками. — Расскажи мне, как это было? — ухмыляясь, попросил он её. — Хотя не нужно, я сам нарисую эту картину...

Серж вытащил из вазы все розы, подошёл к Жюстин, встал перед нею на колени и начал свой страстный монолог.

— Милая Жюстин! — чувственно произнёс твой Айболит. — Позвольте мне подарить вам эти цветы. Я перецеловал каждый лепесток этих жёлтых роз, как целуют любимые уста девушки. Цветы так свежи, как будто только что срезаны, на

них лежит то ли роса, то ли вечерняя влага, то ли ваши слезы. Я вдыхаю их запах и ощущаю аромат духов. А они мне говорят, что-то такое, что невозможно выразить на человеческом языке. Я счастлив Жюстин, что судьба меня свела с вами в больничной палате. Я вижу вас перед собой и чувствую, как сильно вы нуждаетесь во мне. Я буду вашим ангелом хранителем. Я вылечу вас. Вы вновь будете здоровы, веселы и счастливы...

Краем глаза Серж видел, как девушку тронули его слова. По её щеке пробежала слеза, и она тихо заплакала.

— Почему же мне никто и никогда не говорил таких красивых слов. Разве я их не заслуживаю?

— Конечно же, заслуживаешь. Эти слова предназначены для тебя, поэтому ты их сейчас и услышала, — поспешил заверить он её.

— Подойдите ко мне, пожалуйста! Глаза Жюстин страстно умоляли его об этом.

Серж подошел к ней, стараясь не возбудиться от близости. Нельзя позволить себе отпустить поводья и дать разгореться пожару, — мысленно убеждал он себя. Но только стоило прислонить её маленькую голову к своей груди, как он сразу почувствовал заметное возбуждение, пробежавшее по всему телу. Более того, стало понятным, что объятие возбуждает не только его одного. На щеках у Жюстин появился слабый румянец, а её дыхание

заметно участилось. Он погладил ладонью её спину, задержал руку на талии и ещё ближе притянул девушку к себе.

— Не больно? — спросил он, с опаской глядя на загипсованную ногу, которая прильнула к его бедру.

— Нет, мне очень приятно, — заверила его Жюстин, и ещё сильнее прижалась к нему своим хрупким телом.

Теперь их объятия не слишком отличались от объятий влюбленных. Она издала едва слышный стон. И он чутко уловил этот звук и понял, что их желания совпадают.

— Кажется, вы чувствуете то же самое, что и я, не так ли? — промурлыкала она.

— Да. Я чувствую тоже самое.

Серж не сразу нашёл в себе силы, чтобы выпустить её из своих объятий. Жюстин смотрела на него заволоченными, словно небо перед грозой, глазами. Её сексуальную привлекательность невозможно было игнорировать. Чувственные губы, её томные глаза, красивые, цвета багровеющей осенней листвы волосы, приятный тембр голоса сводили его с ума, всколыхнули всё его естество.

Серж отчетливо сознавал, что его поступками сейчас движет врожденный инстинкт мужчины-самца, который был присущ его далекому предку миллионы лет назад. И этот инстинкт

заставлял его забыть об осторожности и побуждал овладеть объектом своего вождения незамедлительно, пусть даже в такой непростой ситуации, в которой они оказались.

Запустив руку в волосы, он наклонил голову Жюстин и жадно впился губами в её губы. Он сделал это, поддавшись порыву чувств, без всякой прелюдии, выказывая свою жажду обладания ею самым простым, если не сказать — первобытным, способом. И она мгновенно поддалась, уступая этому грубому и страстному натиску. Её чувственные губы стали мягки и раскрылись навстречу его поцелую, приглашая войти внутрь.

Её неожиданная капитуляция едва не лишила Сержа остатков рассудка. Ему не требовалось повторного приглашения, — его язык мгновенно проник в её рот, и отыскивал её язык. Он почувствовал, как она затрепетала в его объятиях, прильнув к нему так, словно он был её единственной опорой.

— Серж! — вдруг воскликнула Жюстин с неподдельным страданием в голосе.

Он густо покраснел и отпрянул от неё.

— О, господи, Жюстин, я сделал тебе больно. Прости меня за эту боль. Мне не следовало приходить...

— Нет, следовало, — поспешно перебила она его. — Я бы никогда вам не простила, если бы вы

не пришли ко мне. Жаль только, что наша встреча происходит сейчас в больничной палате. Я хотела бы сейчас по воли волшебства перенестись с вами в замок вашего дядюшки, где мы с вами приготовили бы лобстера и выпили красного сухого вина...

— Я тоже этого хотел бы, но..., — Серж осекся на полуслове. — А что говорит врач, сколько дней ты пробудешь в госпитале? — поинтересовался он, словно прикидывая что-то в уме.

Жюстин тяжело вздохнула.

— Три долгих недели. — О, поскорей бы, — молвила она.

— Тебе недолго осталось ждать. — Я уверен, что у тебя всё будет хорошо и твоя ножка скоро заживёт, — принялся заверять он её.

Затем он коснулся губами её волос, скользнул по щеке, вновь добрался до её губ.

Мгновение страсти, охватившее Жюстин, придавало её красоте удивительную притягательность, она словно вновь переживала ту первую памятную их встречу, которая произошла несколько лет назад. Серж с большим трудом заставил себя оторваться от её чувственных губ.

— Серж, когда ожидается приезд в Париж русского мэра?

— Ровно через месяц.

— Передайте Клоду, что ровно месяц я буду

готова войти в программу «Мокс» и встретить нашего гостя во всеоружии. Именно столько мне нужно времени, чтобы прошли ссадина и порезы на лице.

— А твоя нога? — недоуменно спросил он. — К тому времени она, вряд ли заживёт, и гипс точно не снимут.

— Серж, вы порой бываете не очень сообразительны. А ведь я только что преподавала вам урок, из которого вы должны были понять, что умная женщина может быть желанной для мужчины, находящейся даже в такой ситуации как я.

К тому же, насколько мне известно, этот русский у себя на родине ни одной юбки не пропускает мимо. — И вы упускаете ещё один вполне очевидный плюс моего нынешнего состояния, — с ехидцей заметила она.

— Какой?

— Скажите мне, разве придёт в голову русским гэбэшникам, что французская разведка подставляет своего агента, у которого сломана нога?

— Чёрт! А ты ведь действительно права, — согласился после некоторого раздумья Серж. — Малахов бывший доктор. Полагаю, что он в своей врачебной практике не раз заглядывался на хорошеньких пациенток и в мыслях

прелюбодействовал с ними. — Я доложу шефу, о твоей патриотической настроенности работать по делу, — рассмеялся он.

— Ну, вот и вам стало понятно, что женщины имеют полную власть над мужчинами.

— Я всегда это знал. Но сейчас я должен оставить тебя и поспешить к шефу с докладом, который он ждёт от меня уже несколько часов. — Зная его чувственное отношение к тебе, могу предположить, что меня ожидает, — вымучил безрадостную улыбку Серж.

— Вот таким вы мне больше нравитесь. Люблю, когда вы меня ревнуете, — молвила Жюстин, и по её лицу расплылась довольная улыбка.

Серж поцеловал её на прощание в лоб, давая понять, что чувства его на этот раз не захлестнут, и он держит ситуацию под контролем.

Жюстин посмотрела на него умоляющим взглядом и тихо попросила:

— Серж, я остаюсь в больничной палате одна и мне очень грустно. Давайте вспомним ту самую поездку в загородный дом вашего дядюшки, когда мы стали близки. А потом вы уедете к шефу на доклад, а я погружусь в негу сладостных воспоминаний, которые несравнимы ни с прочтением книги, ни с просмотром кино. Если вы затрудняетесь, то давайте первой начну я.

— Это был дивный вечер..., — начала она.

— Милая Жюстин, поверь мне! Я помню все мельчайшие детали этого вечера. Серж мгновение закрыл глаза, затем неспешно начал своё повествование.

— Итак, закончился рабочий день, и мы с тобой поехали в Венисьё. Колеса моего старого «сценика» монотонно ломали корочку январского снега. Ты была прекрасна в этот незабываемый зимний вечер. А я был несказанно рад тому, что ты была со мной...

— Часа через полтора езды, — продолжила Жюстин, наконец, показалась терракотового цвета черепица крыши трехэтажного кирпичного замка.

Начало уже смеркаться и последние лучи остывающего солнца уже исчезли за горизонтом.

Вы открыли ключом дверь ограды, и мы вошли на территорию замка. Две среднеазиатские овчарки, остервенело лаяли. Это необычно будоражило страх и волнения. Я жалась от страха к вашему плечу, и шла, робко перебирая ногами по каменной дорожке. Но вот лай собак внезапно смолк, и с неба стали падать, кружась, крупные снежинки. Пошел долгожданный снег.

— Теперь продолжайте вы, — взмолилась она, — у меня от волнения ком в горле.

— Хорошо, — согласился Серж. — Мы с тобой не спешили укрыться от снега, а продолжали

стоять посреди двора. Снежинки казались нам удивительно нежными и совсем не холодными. От них не хотелось прятаться, ими хотелось наслаждаться. Кончики твоих волос, выглядывали из-под капюшона шубки и под тяжестью снежинок распрямились.

— И ещё, — вклинилась в повествование Жюстин, растаявший снег стекал крупными каплями по моей шее вовнутрь, и волновал моё тело необычностью своего проникновения.

— Спасибо! — рассмеялся Серж. — Это очень важная деталь рассказа о нас. Когда ты расстегнула пуговицы своего шубки, то моему взору предстала твоя намокшая блузка, и я отчётливо разглядел очертания твоей красивой груди и восхитился формой твоих сосков...

— О, как здорово! Меня радует, то о чём вы сейчас мне рассказали и одновременно огорчает.

Почему вы не сказали об этом раньше?

— Не правда! — Я всегда восхищался красотой твоей груди. Не отвлекай меня, иначе я потеряю нить воспоминаний — нарочито возмутился Серж.

— Хорошо, не буду, продолжайте.

— Ты поймала на себе мой взгляд, тебе явно понравилось, что я люблюсь тобой. Я видел, как в твоих глазах появились огоньки, — огоньки страсти, разжигаемые желанием. Мне подумалось в

это мгновение, что ты, вероятно, хочешь, чтобы я овладел тобою прямо на снегу.

— Вы тогда не ошиблись, — рассмеялась Жюстин. — Позвольте мне сказать о своем наблюдении за вашим состоянием. Я тоже видела, как тёплые капли снежинок струились и по вашему лицу, шее и исчезали за воротником откровенно расстегнутой рубашки. Мне захотелось так же, как и этим капелькам, ощутить ваше тело. Вы почувствовали меня и приняли правильное решение.

Затем вы расстегнули полы своего пальто, нежно взяли меня за талию и медленно начали оседать, увлекая меня на себя. Повинуясь своим и вашим желаниям, я согнула ноги в коленях и опустилась в ваши объятия...

— Ну, вот, оказывается, что ты всё знала и без моих на то слов.

— Серж продолжайте дальше, я уже не могу, у меня от волнения вновь образовался комок в горле, и не только в нём...

— Хорошо! Иду на помощь, — рассмеялся Серж. — Моя рука, скользнула по твоим истосковавшимся бёдрам, спускаясь всё ниже и ниже...

— Да, я помню эту шаловливую руку, — прошептала Жюстин.

— Не перебивай меня, я вошёл во вкус, — мне

нравятся эти воспоминания. — Я поцеловал твои влажные от снега губы. Мне казалось, что в этом поцелуе мы с тобой ощутили не только вкус страсти, но и вкус первого снега...

— Это действительно было так, — утвердительно кивнула головой Жюстин.

— Потом мы с тобой тогда слились в единое воплощение любви! И во всём мире не было никого, только мы, наша любовь и тёплые снежинки, стекающие по нашим телам!

— Вы не упомянули о собаках. Помните их реакцию на нас?

— Да, действительно, о них я забыл. Собаки действительно забавно реагировали на нас. Помню, они притихли, жадно втягивали в себя воздух, при этом чуть-чуть подвывали. Нам, глядя на них, стало смешно, ибо мы сразу догадались, в чём причина их такого необычного поведения. А она была в том, что мы источали запахи любви!

— Да, это был незабываемый вечер, — с грустью в голосе сказала Жюстин. — Я потом долго с удовольствием вспоминала все его мельчайшие подробности и смаковала их. И сейчас я намерена заняться этим же. А вы теперь можете ехать к своему мерзкому шефу, но смотрите не проболтайте о нас, иначе он вас убьёт...

ГЛАВА III

КЛОД ШУАЗЕЛЬ, ГЛАВА DGSE

Клод Шуазель, высокий и невероятно худой мужчина по прозвищу «Вечерняя тень», сидел на жёлтом диванчике под старинным абажуром в доме № 11 по улице Сосэ и листал альбом с иллюстрациями картин любимого им французского художника Эжена Делакруа.

Этот альбом находился с ним повсюду, где бы он ни был. Он вошёл в разряд очень дорогих для него вещей, к которым он относился весьма бережно. Альбом был подарен ему Сержем на день рождения в первый же год их совместного пребывания в Алжире.

Клод был аскетом в вопросах любви, и при полном отсутствии женщин альбом скрашивал ему серые африканские будни. Достойных дам в его окружении не наблюдалось, да и времени на их поиски у него не было, так как он полностью был занят формированием и становлением отдела «Руссо».

Клода в работах Делакруа восхищало, прежде всего, обнажённое женское тело, завлекающее своей чувственностью, предельной откровенностью и одновременно отпугивающее своей решительностью. Он видел, что в его героинях невоплощенное желание любви, приводит к душевному одиночеству, — мрачному,

безнадёжному, и это ему было так понятно. Его супруга Криста, с которой год назад они разошлись, была худосочная особа с весьма скверным характером. Поэтому долгие годы совместной жизни с ней сделали его раздражённым и одиноким. Он знал, что Серж за глаза называл его и супругу «вечерними тенями» по аналогии с длинными узкими тенями, отбрасываемыми от предметов низким вечерним солнцем.

Клоду нравилось, что Делакура рисовал женщин полногрудых, чувственных, с большими задницами. Серж говорил, что худое тело в искусстве всегда ассоциируется с темой смерти, злом и колдовством, если же худая женщина красива, значит, красота её — от дьявола. Приводил в пример Рембрандта, который худобу женского тела представлял уродливой, отталкивающей, с раздутым животом и увядающей грудью.

Именно Серж и предложил ему подарить на юбилей своей Кристе одну из картин Рембранта. Эта идея с большим удовлетворением им была воспринята, так как их брак с Кристой давно исчерпал своё счастливое начало, и от развода их длительное время удерживало лишь состояние здоровья её родителей, которые почему-то считали их взаимоотношения идеальными.

Преподнесённая в подарок Кристе картина явилась решающим фактором в разрыве их

отношений. Она, как и ожидалось, не оценила кисть великого живописца и просто пришла в бешенство от подарка мужа.

Всё-таки Серж приличная скотина, — раздраженно подумал Клод о своем подчинённом, поглядывая на часы. Он явно не пунктуальный человек и в силу особенностей своего характера не умеет жить во временном пространстве. Его следовало бы за систематические нарушения правил, выгнать с треском из разведки, но единственное, что останавливало, то, что этот плут был умён и хорошо знал Россию.

На всех этапах их совместной службы Клод всегда вёл борьбу с Сержем, используя каждую малейшую для этого возможность. Он не мог смириться с тем, что о Серже всегда говорили только в превосходных характеристиках.

Когда в 70-е годы в период вьетнамо-китайской войны стал вопрос кого из сотрудников отдела направить в Хэйхэ, для работы по России с территории Китая, то он, не задумываясь, предложил кандидатуру Сержа. Однако тот, вопреки его ожиданиям, пробыл там недолго, и, более того, смог позитивно засветиться в глазах высшего руководства, высказав сбывшийся прогноз о недолговечности этой войны.

По возвращении Сержа из Китая он вновь направил его подальше от себя, — в бюро

идеологической пропаганды Фонтенбло, где тот в течение трёх лет сочинял анекдоты про русских политических деятелей с целью их дискредитации в глазах соотечественников. Однако Серж и там оказался на высоте, его анекдоты, особенно про Чапаева, Фурманова и Петьку, имели в России потрясающий успех. То, что русские с величайшей иронией стали называть себя «совками», а свою страну, страной «непуганых идиотов», все в бюро связывали с именем Сержа. Впрочем, Клод и сам нередко использовал сочинённые Сержем анекдоты при тестировании кадровых сотрудников управления и агентуры, работающих по русской линии.

Он расплылся в улыбке, вспомнив, как однажды оценивал знание особенностей русского языка у одного сотрудника, рассматриваемого в качестве кандидата на работу в отдел «Руссо».

Тестовый билет включал анекдот про Василия Ивановича и Петьку, который содержал игру слов, характерную для русского языка:

Чапаев выходит на крыльцо в темноте и кричит:

— Петька!

— Ась, Василий Иванович?

— Конь сыт?

— Сыт.

— Ну, пусть ссыт, завтра в бой.

Молодой сотрудник смог разобраться в словесных хитросплетениях, заложенных в этом анекдоте, и был принят на работу в отдел «Руссо».

Руководство внешней разведки высоко тогда оценило результаты работы Сержа в Фонтенбло и вновь способствовало его возвращению на прежнее место, но уже на должность начальника отдела «Руссо».

Серж, ты конченный урод! — выругался про себя Клод. Его терпение окончательно иссякло, его нервировало то, что Серж находился столь длительное время в госпитале у Жюстин, и он начал терять самоконтроль над собой.

Клод был влюблён в Жюстин, и все плотские мысли у него непременно были связаны только с нею. Насколько велико было его искушение, и каких сил стоило ему себя сдерживать. Сколько раз он мечтал о том, чтобы запустить пальцы в её изумительные золотистые пряди волос, — и когда они сидели напротив друг друга за чашкой кофе, и когда он подвозил её до дома.

Несомненно, Жюстин была самой красивой девушкой из тех, кого он когда-либо знал прежде. Он на миг представил, что держит её в своих объятиях, осыпает её тело поцелуями, она страстно отвечает, становясь при этом ещё прекраснее и желаннее.

Клод, любимый мой, — шепчет она,

расстегивая пуговицы на его шелковой рубашке. Позволь мне коснуться тебя...

От внезапно нахлынувших сладостных мечтаний, Клод присел на диван, и ему остро захотелось «передернуть затвор». Этой маленькой слабостью он начал грешить еще в Африке. В отличие от Сержа и его друга Мориса, не пропускавших мимо себя ни одной алжирской юбки, он был в душе набожным католиком и отвергал внебрачные связи. Как человеку верующему, ему, конечно, была известна библейская притча про Онана, которого создатель покарал за пролитое на землю семя любви. Но его пытливый ум рассудил при этом следующим образом: Онан пролил свое семя на землю, совокупляясь со своей женой, дабы та не стала матерью, потому как иных способов контрацепции в те времена просто не было. А если жены нет рядом, то «передернуть затвор» разок другой является делом возможным. Удовлетворение человеком физиологических потребностей не может быть осуждаемым, если заложен нос — надо высморкаться, хочешь помочиться — облегчись, возбуждился — сними возбуждение, — постановил он для себя в качестве основного жизненного кредо.

Будучи в командировках в Индии, ему неоднократно приходилось наблюдать, как взрослые мужчины, вне всяких предрассудков на

сей счет, мастурбировали в общественных местах на глазах у женщин. Такие же явления он наблюдал и в Новой Гвинее.

Духовные отцы Римской католической церкви, осуждающие онанизм по причине его предполагаемой неестественности, поступают гораздо более неестественно, — заключил он.

Но вот, что действительно счёл Клод неприемлемым для себя лично и для мужчин в целом, так это удовлетворение мужчиной своей физиологической потребности посредством чужой или своей задницы. Ему противно было осознавать, что горячо любимая им Франция стала пристанищем интеллектуальных педиков.

Во всём Серж винил ирландского гомосека Оскар Уайта основательно намутившего в Париже по возвращении из Англии, где отбывал тюремное заключение за свой содомский грех. Именно с тех пор ряды «голубых французов» стали каждый год множиться с поражающей быстротой. Как писателя, Клод, конечно, его уважал, написанный им «Портрет Дариана Грея» удостоился самой высокой оценки, однако педерастическая страсть автора яростно подвергалась его беспощадной критике.

Недавнее участие в двухнедельном визите по Америке с мэром Парижа Бертраном Делано, известным геем, окончательно испортило Клоду ему мировоззренческие настроения. В «голубой

столице мира» — Сан-Франциско, побратиме Парижа, ему пришлось посетить район Кастро, где компактно проживают гомики. Хождение с «голубым французом» по американским увеселительным заведениям и магазинам тематической направленности вызвало у Клода величайшее омерзение. Окончательно его добило то, что после посещения района геев, он вынужден был тащиться за Делано в район Мишн, который облюбовали лесбиянки.

В свою очередь, Бертрано все проведённые дни восхищался Гэвином Ньюсом, — мэром Сан-Франциско, принявшим указ, разрешающим геям и лесбиянкам вступать в брак в пределах города. Он пришёл в полное умиление, увидев, что в метро и автобусах Сан-Франциско висят постеры с изображением однополых целующихся пар.

Клод же готов был собственными руками задушить сопровождаемое им лицо.

Но бог на свете есть! Он услышал возмущения Клода. Вскоре после их поездки, главному педикю Парижа был преподнесен незабываемый урок, который очень восхитил Клода. Мужчина мусульманского происхождения напал на Делано, и нанёс ему несколько ножевых ранений в живот. «Голубой мэр» остался в живых. На допросе нападавший заявил, что он ненавидит геев, и в этом взгляде на извращенцев он был не одинок.

Размышления Клода на плотскую тему внезапно прервал треск звонка на входной двери кабинета, который тотчас же вернул его к исполнению должностных обязанностей. Это пришёл Серж. Он буквально ввалился в кабинет, пыхтя как паровоз.

Вот скотина! Он явно пытается создать у меня иллюзию, что очень спешил на доклад, — зло подумал Клод о своем подчинённом, видя покрасневшее лицо Сержа.

Выслушав доклад своего подчинённого о состоянии здоровья Жюстин, Клод еще более убедился в своих подозрениях. Однозначно, Серж — скотина! Использование в разработке объекта агента со сломанной ногой, вне всякого сомнения, уведёт подозрение русских от её принадлежности к французской разведке, но каково будет ей бедняжке? Нет, это невозможно! Серж не может её так любить, как любит он её. Он просто грубое и бесчувственное животное.

Клод внутренним чутьем ощущал, что Серж и Жюстин состоят в любовных отношениях. Поэтому ему даже в голову не пришла мысль, что у Жюстин сломана нога и это делало невозможным их физическую близость в стенах госпиталя.

Надо что-то срочно предпринять, — решил для себя он. После встречи мэра Парижа с русским мэром, направлю его работать под прикрытием в

Россию, пусть ведёт дальнейшую работу по делу «Мокс», находясь в Сибири.

Серж, почувствовав на себе пытливый взгляд шефа, занервничал, понял, что это явно не к добру. Клод же, в свою очередь, усиленно напрягал мозги, как испортить восторженное настроение своему подчинённому и ввести его в полное уныние. И тут он вспомнил, что в понедельник начался судебный процесс над приятелем Сержа, — отставным генералом, ветераном войн в Алжире Полем Оссаресом. Генерал был обвинён в применении пыток к боевикам Фронта национального освобождения Алжира.

— Ты знаешь, что твоего друга Оссареса и его друзей ожидают серьёзные проблемы? — спросил он Сержа.

— Нет, а в чём дело?

— Обвинению, похоже, удастся обойти закон об амнистии и генералу, а также кое-кому из его близкого окружения, не избежать тюремного заключения. Однако поживём-увидим. На сегодня вы свободны. Я подумаю и в ближайшее время приму решение...

Серж сухо попрощался с Клодом и стремительно вышел из кабинета. В его голове неотступно сверлила мысль, шеф раздражён и явно что-то задумал. В его подлости он убеждался не

единожды, таков уж был этот человек. Он бы с огромным удовольствием расстался с ним, но судьба почему-то вновь и вновь сводила их. Сейчас же она предложила им выяснить отношения на самом бескомпромиссном и жестоком поле битвы — за любовь к женщине.

ГЛАВА IV

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В РОССИЮ

Ехать домой Сержу не хотелось, настроение столь приподнятое после встречи с Жюстин, было у него явно испорчено, и он принял решение посидеть пару часов в маленьком уютном ресторанчике «Le Dome», находящемся недалеко от места, где он проживал.

В зале ресторана было немногочисленно. Оглядевшись вокруг, он выбрал столик для одного клиента, расположенный у окна с хорошим обзором всей площади ресторана. Он любил здесь отдыхать, ему нравилось, как здесь готовили морепродукты, особенно как повар-японец готовил тунца и трепанга. Обслуживающий персонал знал его как постоянного клиента и был очень внимателен к нему. Заказав, трепанга и бургундское вино, он принялся разглядывать посетителей ресторана.

Недалеко от него, у стойки бара, расположились две молодые девушки, явно

похожие на проституток, которые громко смеялись. Они были одеты в короткие мини-юбки, какие можно только себе вообразить. Верхняя часть их туалета также указывала на отношение девушек к древней профессии. Его друг Морис девушек подобного рода называл не иначе как «девушки с пониженной социальной ответственностью».

Поймав на себе внимательный взгляд Сержа, одна из девушек подошла к нему.

— Меня зовут Мишель. Угостите даму сигаретой, — обратилась она к нему.

— Я не курю, — холодно отказал он ей.

От девушки исходил запах дешёвых духов, и он едва сдержался, чтобы не выразить на лице своё отношение к неприятному для него столь запаху. Девушка скривила недовольную гримасу и пошла назад, мурлыча песенку про трёх негров, копающих яму и танцующих «крошку Мэри». При этом она забавно покачивала в такт своей песенке худосочными бёдрами.

Серж с аппетитом принялся за поедание принесённого ему трепанга, но тут он вдруг услышал оглушительный грохот, донесшийся со стороны, где сидели девушки. Оказалось, когда молодой официант проходил мимо них с подносом в руках, то одна из них, раздвинула ноги, и из таинственной глубины неожиданно раздался мелодичный звон.

Удивляясь, откуда мог исходить звук, официант взглянул на девушек, сидящих на стульях у стойки бара, и его взгляд уткнулся в гладко выбритое, откровенное женское нутро с маленькими звенящими колокольчиками, висящими между ног.

От неожиданности увиденного им такого «бикини-дизайна», он выронил поднос из рук. Однако через пару секунд он уже был на коленях, делая вид, что собирает осколки, хотя на самом деле не мог оторвать глаз от самой сексуальной колокольни, которую когда-либо видел в своей жизни.

Поняв в чём дело, Серж не удержался и тоже разразился громким смехом. Его восхитили эти юные жрицы любви, привнесшие в свою профессию необычайный юмор и своеобразное понимание того, что мужчинам нравятся девушки с воображением и вкусом. Более того, увиденное зрелище также напомнило ему забавный эпизод из его давней командировки в Москву...

В тот памятный год он и Морис работали в посольстве Франции в Москве под прикрытием» рядовых служащих посольства. Он официально значился как киномеханик посольства, а Морис сантехник. Главной же целью их пребывания в России было изучение менталитета русских людей

из разных социальных слоев, для учёта его при вербовке агентуры.

В России в те времена во всем чувствовался застой. На полках супермаркетов были одни консервы, а в головах россиян было сплошное разочарование. Только в московских ресторанах изо дня в день царило разухабистое веселье. В один из таких дней они и решили погрузиться в анналы «Москвы — кабацкой», о которых писал в своих стихах Сергей Есенин:

*Сыпь, гармоника!
Скука... Скука...
Гармонист пальцы
льет волной.
Пей со мною,
паршивая сука.
Пей со мной...*

Для исследований глубин души русского человека они выбрали небольшой ресторанчик в Пролетарском районе Москвы. Выбор в пользу этого ресторанчика был сделан ими отчасти потому, что он носил приветливое название «Огонёк».

Публика в этом ресторане собиралась весьма разношерстная: интеллигенция, военные, инженерно-технический состав и простые трудыги.

Всех их объединяло одно общее желание — скрасить серые будни, которыми была сплошь окутана их жизнь той поры.

Придя в ресторан, они заказали бутылку красного сухого вина и лёгкие салаты. Карты вин как таковой не было, вся информация о горячительных напитках и их стоимости содержалась в меню. Из сухих вин в меню значилось только вино грузинского разлива, которое оказалось явно не сухим и более того отвратительным на вкус. Впрочем, это обстоятельство их не смутило, так пришли они в это заведение не дегустировать сомнительный алкоголь, а познать загадочную русскую душу, раскрепощённую под воздействием обильного алкогольного возлияния. И такой случай им незамедлительно представился.

— Мальчики, вижу, что вы скучаете? — обратилась к ним полногрудая официантка. — Если вы не возражаете, то я посажу к вам за столик двух очаровательных девушек, — предложила неожиданно она.

Не желая выдать ещё присутствующий в разговорной речи акцент, они утвердительно кивнули головами. Их соседками оказались миловидные брюнетки до тридцати лет. Девушки одеты были ярко, скорее даже вызывающе, и явно не по сезону. Но, что особенно удивило их, так это,

что девушки более чем под скромную закуску заказали бутылку водки! Алкоголь был распит девушками в первый же час, и они повторили заказ. Видя, что девушки пьянеют, они старались не привлекать к себе их внимание, и вели непринуждённый диалог между собой.

К тому же, за соседним столиком назревало интересное событие, которое невольно притягивало их внимание. Молодой рыжий парень, изрядно выпивший, решил пригласить на танец одну из экстравагантных дам, сидевшую за соседним столиком. Дама, оценив взглядом подошедшего кавалера, отказала ему в танце. Парень вернулся за свой столик, налил себе полный до краев стакан водки и залпом выпил его. Затем обернулся в сторону несговорчивой девушки и стал беспардонно её разглядывать. Зазвучало новое танго, парень налил себе вновь стакан водки, выпил его, заметно повеселел, и шатающейся походкой вновь направился к девушке, чтобы в очередной раз пригласить её на танец. Но девушка была непреклонной и вновь отказала ему в танце, и всё повторилось сначала. Незадачливый кавалер вернулся к себе за столик, выпил полстакана водки и стал ожидать, когда зазвучит новое танго. Потом неожиданно передумал, и, не дождавшись, когда начнётся новый танец, стремительно подошел к девушке с назойливым предложением — выразить

себя в танце. Получив очередной отказ, он счёл такое поведение девушки оскорбительным для себя, схватил её за горло и начал душить. На крик девушки о помощи сбежались официанты и с большим трудом высвободили перепуганную девушку из рук пьяного парня...

Этой пьяной зарисовкой сюжет вечера не был исчерпан. Вскоре они с Морисом сами стали участниками другого необычного события. Одна из девушек, сидящая за их столом, решила прервать их наблюдения.

— Я знаю, кто вы, — сказала она, с трудом ворочая языком.

От её слов у них похолодело внутри. Неужели девушки подсажены к ним КГБ, но почему они тогда так пьяны? — пришла в их головы одна и та же мысль.

— И кто же мы? — срывающимся на хрип голосом спросил Морис девушку.

— Суууки, — вот кто вы! — возмутилась девушка, исподлобья посмотрев на него мутным взглядом. Затем, с трудом выговорив другое широко известное в России ругательство, швырнула в Мориса блюдо с остатками своей пищи. Морис ловко уклонился от летевшей в его голову тарелки, и та врезалась в окно, которое от сильного удара, рассыпалось на мелкие осколки. На шум разбитого стекла сбежались официанты и охрана, девушек

волоком утащили в служебное помещение.

Подошедшая к ним официантка извинилась за столь агрессивное поведение девушек и объяснила его причину. Оказалось, что девушки были очень недовольны тем, что сидящие с ними мужчины не обратили на них должного внимания и поэтому выразили своё отношение к ним столь необычным способом.

В этот вечер он и Морис утвердили в своём понимании ряд новых, неизвестных им доселе, качеств русского человека. По возвращении из России, выступая перед коллегами на очередном служебном совещании, он развеял живущие во французской разведке мифы о характере русского человека. В частности, что русский человек не любит собственность, не любит преуспевание, нерационален, отдается великим порывам, и единственное, на что он способен, так это витать в облаках.

В противовес этим утверждениям, он убеждал своих коллег, что русских людей отличает упорство, с которым они идут к намеченной цели, они любят и хотят иметь собственность, стремятся заполучить её, притом нередко незаконными методами. В качестве весомого аргумента, он привёл слова, сказанные Владыкой русской православной церкви: «...если бог сотворил этот материально-вещественный мир, то русский

человек, который имеет семью и дом, должен заботиться о хозяйстве, о собственности».

Ссылаясь на свои многочисленные наблюдения, Серж утвердил главный вывод, что психика русского человека очень часто движется из крайности в крайность. Золотая середина — это не про русских. Русские очень внушаемы, легковверны и легко соблазняемые люди. Они легко позволяют себя обманывать всякого рода проходимцам, принимают участие в финансовых пирамидах, верят лживым политикам, сулящим им «золотые горы». Грешить, так грешить, каяться, так каяться — это одна из главных черт их характера.

Он провёл сравнения русских людей с поляками, чехами, венграми, которых ему также довелось наблюдать. В отличие от русских, там народ более критичный и реалистичный. Русским же присущи революционные настроения и утрачивание чувства реальности. Причину тому он видел в развитии самой истории России: спокойствие, спокойствие — потом взрыв, желание резких перемен. Неслучайно идейный идол русских людей — Ленин, которому они поклонялись многие годы, написал по этому поводу: «От нас требовали чуда, и мы дали чудо, — чудо революции»...

Время шло к закрытию ресторана, Серж расплатился и вышел на улицу, свежий воздух приятно бодрил его. По дороге домой он

размышлял об очередном витке назревавших неприязненных отношений с Клодом. То, что Клод отправит его в Сибирь, не вызывало сомнений, ибо он не упустит своего шанса очистить поле возле Жюстин.

Настроение было отвратительным. Придя домой, он решил принять ванну с солями мёртвого озера. Горячая вода с минеральными солями сняла накопившуюся усталость, и он плюхнулся в кровать. Обнял подушку и погрузился в мир грёз.

Он умел и любил мечтать, для него не составляло труда возвратиться к мыслям, течение которых ему было сладостным и упоительным. Чаще всего он думал о Жюстин. Порой ему казалось, что его чувства к Жюстин сродни маниакальной зависимости. Уже после первых встреч между ними пробежала искра, которая превратилась в стихийное бедствие. Они понимали это, страдали от него, но ещё больше, страстно его желали.

Он осознал, что открыв для себя эту женщину, он открыл дверь в мир изумительного, земного, яркого удовольствия. А может быть, это сделала она? Надо не забыть спросить у неё об этом, — подумал он и заснул крепким сном.

ГЛАВА V

ПРОВАЛ АГЕНТА «ФЭРУЭЛА»

Рабочий день с утра явно не задался — шеф метал гром и молнии. Морис поведал Сержу, что в России сгустились тучи над агентом «Фэруэлом», который находился на личной связи у Клода. Серж знал, что под этим псевдонимом скрыт полковник КГБ, завербованный французской разведкой ещё в 80-е годы, когда тот находился во Франции в качестве представителя торгового представительства СССР. Несмотря на то, что «Фэруэл» и был завербован лично Клодом, но в этом, прежде всего, была его заслуга.

Вербовка гэбиста была тривиальной. Полковник, изрядно надравшись, попал в автомобильную аварию и разбил служебную машину. Испугавшись наказания, он прибежал к своему знакомому бизнесмену Жаку Прево и уговорил помочь с ремонтом машины, чтобы сохранить произошедшее событие в строжайшей тайне от своего руководства. Жак, конечно, помог ему, но и не преминул сообщить Сержу, с которым у него были особые отношения, что у одного высокопоставленного советского военного чиновника появилась тайна от своих коллег.

Серж взял информацию Жака «на карандаш» и доложил шефу, а дальше было делом техники, — ряды разведки Франции пополнил советский предатель, которому был присвоен псевдоним

«Фэруэл», что в переводе означало «прощай и доброго пути».

Приобретение «Фэруэла» было крупной удачей, Клод пошёл в гору по служебной лестнице и стал начальником управления. Гэбэшник за период сотрудничества с DGSE передал несколько тысяч сверхсекретных документов, на основе которых были в последующем разоблачены около пятисот сотрудников советской разведки, занимавшихся сбором научно-технической информации в пользу СССР.

Клод за удачную вербовку русского шпиона получил от правительства орден Почётного легиона, а про заслуги Сержа, благодаря его же стараниям, высшее руководство осведомлено не было. Сержу тем самым была нанесена горькая обида, но он об этом предпочёл молчать.

Морис — верный друг, напившись как-то на одной из пирушек, высказал Клоду всё, что он по этому поводу думает. После этого Клод не цеплял свой орден, даже на официальные мероприятия, проводимые в разведке.

— Серж! — раздался пронзительный голос секретаря отдела Эльзы Кемпф, — шеф приглашает вас к себе в кабинет.

Серж оглядел с ног до головы девушку и, улыбаясь во весь рот, сделал ей комплимент, в свойственной ему манере.

— Замечательно выглядишь. Если пожелаешь, то я найду того, кто отнимет у Мориса его достижение в любви. — Считаю, что ты заслужила идеального любовника, Морис же порочен, и его пора отшить, — рассмеялся он.

Эльза залилась громким смехом и повалилась на стол.

— Серж, вы извечный шутник. Однако у шефа сегодня скверное настроение, и я бьюсь об заклад, что вас, после визита к нему, покинет игривое настроение. — Желаю вам удачи! — сказала она и вновь разразилась задорным смехом.

Клод сидел за огромным столом из резного бука и нервно перебрасывал служебные документы из одной огромной стопки в другую. Не поднимая головы, он предложил Сержу сесть. Серж оглядел кабинет и обнаружил, что сесть ему негде, все стулья, находящиеся в кабинете, были завалены рабочими папками.

— Ничего, я постою. Сильные икры мужчине не повредят, — буркнул он.

— Садись, — сухо настоял Клод на своем. — Сложи папки со стула у окна, ко мне на стол. — У нас проблемы, — произнёс он обречённо. — Тебе необходимо срочно выехать в Россию для встречи с нашим резидентом в Москве Патриком Ферраном, на связи у которого находится агент «Фэрзуэл». — Надеюсь, ты не забыл, кто он такой? — вьедливо

поинтересовался он.

Серж решил сыграть в дурака. Он, конечно же, знал, кто скрыт под псевдонимом «Фэруэл», но, тем не менее, не замедлил спросить:

— А кто он такой?

— Серж прекрати юродствовать. Ты прекрасно знаешь кто он такой.

— Зачем тогда спрашиваете? — огорошил он Клода простым и точным вопросом.

— У меня дерьмовое настроение, — сухо буркнул Клод.

— У меня тоже, — сказал ему Серж.

— Ладно, не будем развивать тему наших настроений. Будем говорить о деле. Ты должен передать Патрику документы прикрытия для «Фэруэла» и открыть ему канал возвращения через Прибалтику. У меня сейчас нет времени подробно тебе рассказывать о том, что случилось. Всё узнаешь сам от Патрика в Москве.

Возьми личное дело «Фэруэла» и внимательно изучи всё, что касается способа экстренной связи с ним и канала его возвращения. После того, как отработаешь в Москве, выедешь в Сибирь к месту строительства завода.

Создашь агентурные позиции в окружении Малахова и вернёшься назад. И запомни самое главное, — на завод по переработке ружейного плутония в Сибири должны придти французские

технологии. Что касается встречи русского мэра с мэром Парижа, то я сам отработаю по ней.

Клод встал из-за стола, подошёл к окну и, стоя спиной к Сержу, поинтересовался, словно вспомнив о чём-то упущенном, но очень важном:

— Как там Жюстин, что у неё с ногой? — Она не отказывается работать по делу «Мокс»? — с иронией в голосе спросил он.

— Она лежит в гипсе, самочувствие у неё хорошее, рвётся поработать по делу «Мокс», — также иронично ответил ему Серж.

— Вот даже как? — изобразил удивление на своем лице Клод, при этом его рябое лицо заметно просветлело, а в глазах забегали огоньки. — Я уверен, что Жюстин будет неотразима и Малахов падёт к её костылям, — восхитился он ею. — Приятно работать с умными и думающими сотрудниками. — Думаю, что мы с ней на высоком уровне отработаем по встрече двух мэров, — восторженно заявил он.

Серж внезапно ощутил знакомый выброс адреналина, это происходило всякий раз, когда он был готов затеять драку с превосходящими силами противника. Слова Клода о неотразимости Жюстин были для него как красная тряпка для быка. Ему вдруг остро захотелось крикнуть ему в лицо что-то очень обидное, чтобы сбить у этого

самовлюбленного кретина восторг по поводу предстоящей совместной работы с Жюстин, но удержал себя.

— Вы только меня не забудьте поставить в известность о результатах вашей работы по этой встрече, — буркнул он, сдержав накатившийся приступ озлобления.

Клод понял состояние Сержа и решил больше не будить в нем зверя.

— Можешь на сей счет не беспокоиться, я обязательно уведомя тебя о результатах этой встречи.

Серж поняв, что Клод не намерен обострять отношения с ним, сбавил обороты и перевел диалог в более спокойное русло.

— Я считаю, что мне лучше выехать в Россию по своим документам. У меня хорошее легальное прикрытие — я внештатный корреспондент еженедельника «Цепная Утка».

— Почему я об этом не знаю? — недоуменно спросил его Клод.

— Об этом в управлении знают все. Вы же, видимо, забыли о моей нашумевшей публикации о даме с собачкой, — сдержал Серж.

Говоря Клоду о своей публикации, он имел ввиду свою давнюю статью в «Цепной Утке» о необычных отношениях, сложившихся у одинокой, молодой француженки с ее любимцем, — догом по

кликче «Рондо». Статья вызвала бурное обсуждение у читателей еженедельника, которые буквально завалили редакцию письмами.

Ему пришлось подготовить ещё несколько материалов по этой тематике, чтобы сбить ажиотаж, развернувшийся вокруг его статьи.

Работа в качестве нештатного корреспондента еженедельника Сержу нужна была из оперативных соображений. Он исследовал причины провалов разведчиков, случившиеся за последнее десятилетие, и пришёл к выводу, что в большинстве случаев провалы случались не по причине предательства, а по их собственной вине, и, прежде всего, по причине отступлений их от легенды, согласно которой они должны были действовать. Придерживаться специально разработанной легенде разведчик рано или поздно устаёт и это неминуемо ведёт его к провалу.

Серж пришел к выводу, что лучшим решением для него является работа на территории противника под своим собственным именем, но обязательно под глубоким прикрытием.

Его собственные командировки последних лет за пределы Франции в Китай, в Югославию, Корею и другие страны были осуществлены под журналистским прикрытием. По его возвращении из очередной зарубежной командировки читателей «Цепной Утки» всегда ожидали интересные

материалы, написанные им о необычных сторонах жизни людей в стране его очередного пребывания.

Это был его собственный способ оперативной маскировки, которому он придавал большое значение и всегда старательно следовал ему. Он был уверен, что в случае его идентификации, контрразведка противника всегда найдёт подтверждение тому, что имеет дело с журналистом, и это может уберечь его в дальнейшем от провала.

— Что ж, я не возражаю, — миролюбиво согласился Клод. — Не будем отказываться от того, что хорошо работает. — А кто остаётся в отделе исполнять твои обязанности? — поинтересовался вдруг он у Сержа.

— За меня остается Морис, — ответил ему Серж.

— Это хорошее решение, — согласился Клод с предложенной кандидатурой.

Выйдя от Клода, Серж тут же позвонил Жюстин. Известие о его командировке в Сибирь она встретила с явным огорчением, а к концу их разговора вовсе расплакалась, от чего на душе у Сержа стало невыносимо скверно. Он почувствовал стеснение в груди, поэтому быстро попрощался с Жюстин, обещав ей перезвонить позже, и поспешил домой. Некомфортное психологическое состояние угнетало его, и он откровенно презирал себя за эту

слабость, и называл себя в такие минуты — «сентиментальным Парамоном».

«Fokker-100», глуша рёв моторов, плюхнулся на бетонную полосу аэропорта «Шереметьева-2». Трап подали сразу. Одновременно с ним подъехали три чёрных джипа, из которого вывалили шестеро крепких парней и две девицы. Одна из девиц принялась снимать на камеру спускающихся по трапу пассажиров. Идя по трапу, Серж почувствовал, как нарастает внутреннее волнение, ему явно не нравилось, что его появление снимается на видеокамеру. Может не стоит волноваться, молодчики и девицы из джипов встречают высокопоставленное лицо? — попытался успокоить он себя. Хотя не факт, что они встречают кого-то. А если всё-таки они работают по заданию спецслужб? Кстати, номера их машин сложны к запоминанию, — и это один из признаков принадлежности к спецслужбам. Надо скачать номера машин, — поставил он себе задачу и растер костяшками пальцев рук уши для концентрации внимания.

Итак, все три номера — московские. Первый, — У235ВК 78, запомнить легко, последние цифры, — номер конспиративной квартиры на улице Парижской коммуны. Второй, — Д989ПС98, сумма чисел 26, — число лет Жюстин. Третий

номер плохо виден спереди — замазан грязью. В Москве по-прежнему грязно? Не расслабляться! Надо уронить очки, обернуться и прочесть номер сзади. Есть! — В583НХ 78. Теперь нужно наговорить номера на диктофон мобильного телефона и передать их для проверки Морису.

Сообщение Морису с номерами машин Серж отправил на его почтовый ящик с условным знаком «срочно». Через пару часов буду знать результат, — успокоил он себя. Если всё чисто, — устроюсь в отеле. Если нет, то потаскаю «наружку» за собой, уйду от наблюдения, и лишь затем устроюсь в отеле. Сейчас же пока погуляю по Москве.

С удовлетворением отметив, что на привокзальной площади уйма такси, Серж, пропустил, из соображений безопасности, первые два автомобиля, сел в третью машину и указал ориентир водителю: «Арбат!».

Улицы Москвы были явно перегружены автотранспортом. Такси, на котором он ехал, постоянно застревало в пробке, но его это не занимало, он сосредоточенно вглядывался в индустриальные картины столичного анклава. Изменения, произошедшие с момента последней их командировки с Морисом в Москву, были значительны. Москва, вне всякого сомнения, приобрела благопристойный вид, — выглядеть

стала намного чище.

Арбат Сержем выбран был не случайно. Арбат это улица гуляющих приезжих и обслуживающих их торговцев. Там нет скамеек, а, следовательно, нет пожилых людей, сидящих на них и осуществляющих в интересах спецслужб наблюдение. Эти достоинства и определили его выбор в пользу этой улицы, на которой он должен скоротать пару часов, до того как придёт информация от Мориса.

Прогуливаясь от магазинчика к магазинчику, торгующих антиквариатом «советского» и «русского» периодов, ему подумалось, что он месте московских властей обязательно построил бы небольшие гостиницы для иностранцев в арбатских переулках. Иностранцев, особенно интеллигентских профессий, поселившихся в таких сравнительно недорогих отелях, интересовали бы, прежде всего, подлинные культурные традиции Москвы и России, а не куклы-матрёшки, лапти и буденовки. Как-никак Арбат это визитная карточка Москвы, но она, к сожалению, продолжала оставаться убогой. Русским еще предстоит понять, что такое имидж столицы, — навеяли вывод его размышления.

Наконец пришло сообщение от Мориса, которым он уведомил, что его опасения в отношении молодчиков в аэропорту «Шереметьево-2» напрасны. Серж с облегчением

вздыхнул, — теперь можно ехать устраиваться в отель.

Номер в отеле, вопреки его ожиданию, оказался неплохой. Он принял душ и заказал себе колумбийский кофе с сыром «Пармезан». Вскоре в дверь постучали, вошел бармен с подносом в руке, на котором источал приятный запах его кофе. Получив, свои чаевые, бармен услужливо поинтересовался:

— Желаете ли какие либо дополнительные услуги?

Серж опешил.

— Речь идёт об интимных услугах? Я правильно вас понял?

— Совершенно верно. Есть милые и чуткие крошки, привлекательной наружности и по доступной цене. Если интересуетесь, то есть и юноши до шестнадцати лет.

Сержа буквально передернуло. Бармен, считав с его лица нужную для себя информацию, поспешил удалиться.

Куда мир катится? Кто бы мог подумать, что через десять лет голубым цветом начнет покрываться и красная Россия, — с досадой подумал он.

Серж отодвинул недопитую чашку от себя, — кофе был невкусным, посмотрел на часы, и позвонил Патрику Феррану, резиденту французской